

меры, направленные на повышение эффективности экономики в целом (по упорядочению русской платинопромышленности, преобразованию казённых горных заводов, развитию нефтяных промыслов, устранению зависимости некоторых отраслей отечественной промышленности от американского ввоза, строительству зернохранилищ). Вместе с тем в кабинете Коковцова всё более давала о себе знать бюрократическая практика затягивания реализации принятых решений. Всевозможные согласования, многократные обращения в Совет министров проектов для ознакомления с мнением заинтересованных ведомств и т.д. не способствовали оперативности в работе кабинета, что, в свою очередь, приводило к усилению влияния отдельных членов кабинета и придворных кругов на императора, и отрицательно сказалось на судьбах российских премьеров-реформаторов и самого Совета министров. Одновременно в обществе нарастало разочарование реформаторской политикой власти, участились протестные акции. Вопросы, связанные с ужесточением репрессивных мер «для обеспечения внутренней безопасности в стране», оставались предметом большой заботы кабинета министров (см. Журналы «О преобразовании полиции в России», «По проекту основных правил для борьбы с железнодорожными забастовками», «О добавочном довольствии войск, призванных... для содействия гражданским властям» и др.).

Многие проблемы периода Первой мировой войны ещё не получили доста-

точного освещения в современной историографии. Публикация журналов Совета министров, безусловно, даст учёным импульс к изучению социально-экономической составляющей внутренней политики правительства в 1914–1916 гг. и поможет найти ответы на многие дискуссионные вопросы: о природе нарастающего в империи системного кризиса, причинах, в силу которых политический режим оказался не способен мобилизовать все отрасли экономики и сплотить все слои населения на решение стратегических задач военного времени, наконец, об оценке событий 1917 гг.

Исследователи отечественной истории начала XX в. должны быть благодарны авторскому коллективу составителей уникальной публикации за их нелёгкий и высококвалифицированный труд. Включение в научный оборот всей серии журналов Совета министров Российской империи за 1906–1917 г. значительно повысит уровень научных работ и стимулирует угасающий в последние десятилетия интерес к архивным первоисточникам.

Н.Г. Королёва

Примечания

¹ ПСЗ-III. Т. 25. № 26820.

² См.: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: воспоминания. Т. 1. Париж, 1923. С. 241.

³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910. М., 2001. С. 6.

М.Н. Глумная. Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х – 1930-е гг.). Вологда: Легия, 2011. 296 с.

В российской историографии 1990-х гг. коллективизация была представлена как многоаспектное, насильственное по методам осуществления и разрушительное по своим результатам вмешательство государства в жизнь деревни¹. Подобный взгляд породил соответствующую номенклатуру исследуемых проблем. В частности, прежде всего изучались различные

аспекты государственной аграрной политики и как реакция на неё – крестьянский протест. При этом анализ передаточных механизмов (т.е. органов и структур власти, являвшихся непосредственными исполнителями решений партии и правительства), несмотря на появление ряда информативно богатых региональных исследований, оказался недостаточно

изученным. Вместе с тем и предпринятую тогда же попытку представить коллективизацию в качестве инструмента и своеобразной «ширмы» номенклатурно-кадровой «революции»² вряд ли можно признать успешной.

В связи с начавшимся концептуальным обновлением историографии коллективизации особого внимания заслуживают работы вологодской исследовательницы, кандидата исторических наук, Марины Николаевны Глумной. Это не только статьи, посвящённые анализу различных аспектов колхозного строя³, но и рецензируемая книга – её первая монография, в которой коллективизация показана в несколько необычном для отечественных историков свете – с точки зрения организационно-бюрократических трансформаций.

В первой части книги М.Н. Глумная рассматривает различные властные структуры, участвовавшие в процессе управления колхозами, и выделяет несколько этапов эволюции системы такого управления. К концу 1920-х гг. в северной деревне колхозы были немногочисленны и практически автономны в вопросах внутреннего управления. Тем не менее их деятельность курировали различные партийные, советские и кооперативные структуры. Поставленная Коммунистической партией задача сплошной коллективизации привела к обособлению так называемых колхозных органов, которые ранее относились к сети кооперативных учреждений. Созданный ещё в 1927 г. Колхозцентр, согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 30 июля 1930 г. «О реорганизации колхозно-кооперативной системы», превращался в своеобразный штаб колхозного движения. Именно подведомственные ему организации, по мнению М.Н. Глумной, в 1930–1932 гг. играли ведущую роль в процессе коллективизации. Однако ставший следствием последней сельскохозяйственный кризис потребовал от руководства партии принятия чрезвычайных мер. В результате в декабре 1932 г. Колхозцентр упразднили. По предложению И.В. Сталина был создан Отдел сельского хозяйства при ЦК ВКП(б). Вскоре соответствующие структуры появились и в региональных парторганизациях. Непосредственное же

руководство колхозами осуществлялось с помощью институтов инструкторов и уполномоченных. Той же задаче служили и создаваемые при МТС чрезвычайные партийные органы – политотделы. В результате этих структурных изменений резко возрос контроль партийных организаций за сферой аграрных отношений, но по мере стабилизации колхозной системы к середине 1930-х гг. потребность в этом отпала. К тому же экстраординарные методы управления имели серьёзные организационные издержки (например, так называемое гастролёрство – превышение эмиссарами власти служебных полномочий). В конце 1934 г. политотделы МТС были преобразованы в обычные партийные организации, что означало новый виток в процессе перераспределения административных функций. На завершающем этапе формирования колхозного строя ведущую роль в системе управления колхозами стали играть земельные органы (на региональном уровне – краевое земельное управление и подведомственные ему структуры), т.е. советская ветвь власти.

Особенно интересен предпринятый М.Н. Глумной анализ управленческой деятельности сельсоветов, где вновь подняты вопросы, поставленные ещё М. Левином⁴, – о реальных полномочиях и возможностях тех или иных социальных институтов в сельской жизни. К настоящему времени в российской историографии сложилось обоснованное мнение о том, что реальной «законодательницей» жизни деревни в 1920-е гг. являлась крестьянская община, которая на практике нередко превращала сельский совет в свой исполнительный орган⁵. Однако применительно к 1930-м гг. подобный сравнительный анализ соотношения властных полномочий различных институтов села ранее не проводился. М.Н. Глумная пишет о том, что упразднение в ходе сплошной коллективизации общины не привело к автоматическому росту влияния сельсоветов. Напротив, в период «великого перелома» резко возросла активность уполномоченных различных организаций, которые зачастую в своей практической деятельности не считались с сельсоветами. К тому же коллективизация привела к повсемест-

ному распространению колхозов, которые фактически также стали одним из инструментов осуществления власти советского политического режима в деревне. Все это в итоге вело к снижению реальных властных полномочий сельсоветов и, соответственно, к ещё большему падению их авторитета среди крестьян (с. 93–96). Это заметили и в «верхах» советской власти. С целью изменения сложившейся ситуации 1 января 1931 г. ВЦИК принял новое положение о деятельности сельсоветов, в котором подчёркивалась их руководящая роль в отношении колхозов. Тем не менее, согласно наблюдениям автора, в реальной жизни элементы этого своеобразного «двоевластия» сохранялись и в дальнейшем.

Не обойдён вниманием в рецензируемой монографии и давно обсуждаемый в отечественной науке вопрос о роли политотделов МТС в формировании колхозного строя. Так, создание политотделов было названо в числе главных заслуг Коммунистической партии в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов ещё в «Кратком курсе истории ВКП(б)»⁶. С тех пор этот сюжет стал практически хрестоматийным и вошёл во все советские обобщающие работы по истории крестьянства 1930-х гг.⁷ Историки 1990-х гг. признали политотделы частью репрессивного механизма сталинского режима, созданной с целью обеспечения изъятия ресурсов деревни⁸. В этом уже обновлённом качестве сюжет снова вошёл в набор приоритетных исследовательских проблем. Споры о роли политотделов МТС продолжаются и в современной историографии, отличающейся весьма широким диапазоном оценок: от утверждения о том, что их создание стало «драконовской мерой», «не имеющей прецедента по своей жестокости в целом кровавой истории большевизма»⁹, до признания «одним из важнейших факторов, обеспечивших ускоренную модернизацию СССР»¹⁰. Наблюдения М.Н. Глумной одинаково далеки от этих оценок. Во-первых, она отмечает, что влияние политотделов на жизнь колхозов было ограничено уже в силу слабого развития сети самих МТС на Европейском Севере. Так, в Карельской АССР, по утверждению М.Н. Глумной, в

зону действия МТС попадало 19,2% от числа всех колхозов, в Северном крае – 13,5% (с. 121). При этом, ссылаясь на работы Е.А. Кирьяновой, автор пишет о том, что схожей оказалась ситуация и в Центральном Нечерноземье (в Московской обл. в начале 1933 г. этот показатель был равен 11%). Ко всему прочему сам процесс организации политотделов при МТС затянулся. В Карелии первый политотдел при Олонецкой МТС был создан только в июле 1933 г., остальные стали появляться лишь в начале 1934 г. Таким образом, большинство карельских политотделов МТС реально просуществовали менее года. Во-вторых, М.Н. Глумная считает, что в работе политотделов МТС существовали типичные для того времени организационные проблемы: отсутствие планирования и проверки директив, формальное отношение к выполнению служебных обязанностей. Экстраординарный характер деятельности этих органов нередко приводил к возникновению конфликтов с местными партийными комитетами и советскими организациями (с. 124–125). Знали об этих недостатках и представители политического истеблишмента СССР¹¹. Всё это в итоге привело к упразднению политотделов «как выполнивших свою задачу» в ноябре 1934 г. Думаю, что из этого анализа должен был последовать не прозвучавший, правда, у М.Н. Глумной вывод о том, что роль политотделов МТС в формировании колхозной системы (по крайней мере, на Европейском Севере) в историографии значительно преувеличена.

Рассмотрев деятельность по управлению колхозами различных властных институтов регионального и локального уровня, исследовательница пришла к выводу о том, что служащие этих структур внесли свою лепту в эскалацию насилия в период сплошной коллективизации. Но в этом отношении они действовали, скорее, как рядовые представители бюрократической машины, стремясь по мере возможности выполнять предписания «центра». Сама политика власти в изложении автора – это не только насилие по отношению к деревне. Из монографии следует, что на протяжении 1930-х гг. власть действительно пыталась решить возникшие пос-

ле коллективизации проблемы в аграрной сфере, чем и были обусловлены поиски наиболее эффективного механизма управления колхозами. Однако далеко не всегда эти организационные усилия власти оказывались успешными, а нередко порождали и новые проблемы.

Одной из них стало формирование компетентного и лояльного власти аппарата самих колхозов. К числу представителей последнего М.Н. Глумная относит как высший управленческий персонал (руководители коллективных хозяйств), так и низший (заведующие фермами, бригадиры, звеньевые). Во второй части монографии она анализирует различные демографические и социальные характеристики: численность, половозрастной состав, образование и уровень специальной подготовки, партийность, социальное происхождение и источники материального обеспечения колхозных управленцев. Однако главным в этом анализе для автора стал вопрос о причинах нестабильности управленческого аппарата колхозов в 1930-е гг.

В поисках ответа на него исследовательнице удалось выявить несколько важных противоречий, присущих генезису колхозной системы. Первое из них – противоречие между потребностью власти иметь в колхозах лояльный по отношению к государственной политике управленческий аппарат и официально декларируемыми принципами колхозной демократии – дало знать о себе ещё в период «великого перелома». Согласно М.Н. Глумной, участие городских слоёв населения в формировании корпуса колхозных руководителей было невелико. Так, по данным на 1930 г., рабочие и служащие как члены правлений колхозов составляли в Карельской АССР 15,8%, в Северном крае – 9,1% (с. 183). Таким образом, корпус колхозных управленцев формировался главным образом за счёт самого крестьянства. При этом власть делала ставку на бедняцко-батрацкую часть деревни. Сами крестьяне на всё это смотрели иначе. Бедняки не пользовались авторитетом в крестьянской среде, поэтому в основном у руля колхозов жители села хотели видеть крестьян-середняков. На рубеже 1920–1930-х гг. встречались случаи, когда во главе коллективных

хозяйств оказывались представители «кулацкой верхушки». Власть отвечала на это «чистками» колхозов от «кулаков», а затем от «вредителей» и «врагов народа», которые, по словам исследовательницы, «стали неотъемлемой составляющей колхозной действительности» (с. 217). В результате принципы колхозной демократии были забыты представителями власти уже в начальный период формирования колхозной системы. Автор отмечает, что фактически колхозных руководителей в начале 1930-х гг. могли назначать и снимать с их должностей сельсоветы, местные партийчейки, уполномоченные районных и краевых структур власти. Это обстоятельство, разумеется, не способствовало стабильной работе самих колхозов. 10 мая 1932 г. ЦК ВКП(б), по-видимому, обеспокоенный ситуацией в колхозном строительстве, принял постановление «Об укреплении руководящих кадров колхозов», согласно которому вопрос о назначении на высшие управленческие посты и снятии с них в колхозах был поставлен под контроль краевых (областных) земельных органов. Практику административного назначения и снятия колхозных управленцев постановление не остановило, однако способствовало де-юре огосударствлению колхозов. Сам процесс огосударствления, по мнению Глумной, к 1932 г. завершился лишь формально. Затем в течение всех 1930-х гг. контроль государственных и партийных органов постепенно распространялся на хозяйственную и иные сферы деятельности коллективных хозяйств (с. 35–36).

Вместе с тем М.Н. Глумная отнюдь не односторонне представила процесс взаимодействия Советского государства и колхозов. Появление огромного количества новых объектов управления, по словам исследовательницы, повлияло на дальнейшую реструктуризацию власти в СССР: отказ от ряда промежуточных (окружная система) и отраслевых (колхозные органы) звеньев административного механизма, концентрацию рычагов управления колхозами в руках партийных и земельных советских структур. Тем самым колхозная система в анализе Глумной выступает не только как результат государственной политики, но и как фак-

тор дальнейшей централизации власти в СССР в 1930-е гг.

Второе противоречие развития колхозной системы возникало, когда при подборе управленческих кадров сталкивались принципы лояльности и компетентности. Ещё в годы сплошной коллективизации выяснилось, что бедняцко-батрацкое происхождение управленцев неэффективно с хозяйственной точки зрения. Как оказалось, из представителей пролетарской части деревни получались плохие руководители. К тому же они, как правило, не пользовались авторитетом у других крестьян. Поэтому, вскоре, по мнению М.Н. Глумной, «классовый подход при формировании управленческой верхушки колхозов был заменён прагматическим» (с. 186). Этому способствовала и общая нивелировка крестьянства в результате коллективизации. К сожалению, автор хронологически не определяет грань этого перехода. Но, судя по представленным в книге данным, на уровне административной практики местных органов «прагматические» принципы восторжествовали ещё до того, как 4 мая 1935 г. И.В. Сталин на приёме в честь выпускников военных академий произнёс ставшую затем известной формулу: «кадры решают всё», ознаменовавшую общий поворот в социальной политике Советского государства. Вообще на протяжении 1930-х гг. власть немало делала для совершенствования управленческого аппарата колхозов: создавались курсы подготовки и повышения квалификации, действовали колхозные школы, проводились различного рода совещания и семинары. Однако система подготовки управленческих кадров, по мнению автора рецензируемой монографии, «не успевала закрыть все “прорехи” в руководящем составе колхозов, возникавшие в результате высокой текучести» (с. 216). Последняя, в свою очередь, была во многом обусловлена продолжавшимися «чистками» колхозов.

В годы Большого террора текучесть руководящих кадров в колхозах Европейского Севера, по данным Глумной, ещё более усилилась (с. 231–235). Репрессивные кампании и связанная с ними практика доносительства и сведения личных

счётов вели к возрастанию депрессивности колхозных управленцев, их неуверенности в завтрашнем дне и как следствие – нежеланию работать в колхозе. Вероятно, как своеобразную адаптивную стратегию по отношению к этим условиям можно рассматривать приводимые Глумной факты беспробудного пьянства отдельных колхозных руководителей (с. 235, 238–239, 243). Другим вариантом этой же стратегии было «бегство» колхозных управленцев на лесозаготовки (с. 244). В свою очередь неспособность или нежелание таких руководителей организовать деятельность своих колхозов приводили к новым «чисткам». В итоге, поскольку описанный механизм был самовоспроизводящимся, к началу Великой Отечественной войны проблему текучести управленческих кадров власть так и не решила. В анализе причин нестабильности управленческого аппарата колхозов выявляется одна из важнейших черт исторической концепции М.Н. Глумной – представление о колхозной системе как о самодетерминирующейся социальной реальности. В этой характеристике, на мой взгляд, заключено главное достижение рецензируемой монографии.

В отличие от большинства российских работ по истории колхозной деревни 1930-х гг. исследование М.Н. Глумной характеризуется более высокой степенью антропологизма. Автор не только рассматривает общие процессы эволюции управленческого аппарата колхозов, но нередко переходит к анализу повседневных практик, бытовавших в колхозах Европейского Севера. Интересны и обращения к отдельным персоналиям. Вместе с тем М.Н. Глумная иногда некритично относится к фактам официальной репрезентации индивидами тех или иных явлений действительности: деятельности политотделов МТС, эффективности системы колхозного просвещения, оценке партийных лидеров Северного края (с. 123, 201, 213). Дело в том, что в рассматриваемых автором случаях (выступления на региональном слёте сталинских ударников или личного диалога с главой краевой администрации) подбор репрезентуемой информации был во многом обусловлен характером самой ситуации

непосредственного контакта с властью. Разумеется, нет оснований отбрасывать эти оценки как заведомо фальшивые. Тем не менее при анализе подобного рода официальных обращений следует учитывать прагматику индивида, связанную со спецификой коммуникационного акта, а также, по возможности, сравнивать содержащуюся в них информацию с данными других источников. Не в полной мере в рецензируемой книге раскрыт вопрос об участии крестьянства в формировании управленческого аппарата колхозов. Помимо приводимых в работе Глумной статистико-демографических характеристик, здесь стоило бы обратиться к анализу социокультурной составляющей этого процесса. В монографии, увы, нет полноценного ответа на следующие вопросы: какой была правовая культура самого крестьянства, организуемого в колхозы; принесли ли в управленческую деятельность свои ценности и практики колхозные руководители, мобилизуемые властью из крестьянской среды; изменились ли в ходе административной работы их собственные идентичность и ценности; повлияло ли всё это в итоге на формирование колхозной системы? Впрочем, надеюсь, что на эти вопросы найдутся должные ответы в новых работах М.Н. Глумной. Пока же следует признать, что её монография является сегодня одним из лучших, наиболее интересных исследований, посвящённых формированию колхозной системы.

Н.Г. Кедров

Примечания

¹ См., например: Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7–30; Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 28–42; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М., 1994.

² Воробей А.П. Влияние структурной перестройки органов ВКП(б) на ход и результаты коллективизации в Северном крае. 1929–1930 годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1999.

³ Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материалах Ев-

ропейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 265–286; она же. Отношение к труду в колхозах Европейского Севера России в конце 1920–1930-х годах // Русская культура нового столетия: проблемы изучения и использования историко-культурного наследия. Сборник статей. Вологда, 2007. С. 268–281; она же. К вопросу об организационной культуре колхозов Европейского Севера России в 1930-е годы // Стратегия и механизм управления: опыт и перспективы. Материалы научно-практической конференции. Вологда, 2008. С. 133–137.

⁴ Lewin M. Russian Peasants and the Soviet Power. A study of Collectivization. N.Y., 1975. P. 126–127.

⁵ Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 128–129; Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926–1929 гг. // Историческое значение НЭПа. М., 1990. С. 115–118; Саблин В.А. Земельное общество и сельский совет на Европейском Севере России: характер взаимоотношений // Крестьянство и власть на Европейском Севере России. Материалы научной конференции. Вологда, 2003. С. 110–117.

⁶ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 303.

⁷ Советское крестьянство. Краткий очерк истории. М., 1973. С. 310–315; История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 281–296.

⁸ Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 42–61; Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов. Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск, 2000.

⁹ Файн Л.Е. Проблемы «строительства социализма в СССР» в историографии постсоветского периода (1991–2007 гг.). М., 2008. С. 87.

¹⁰ Наухацкий В.В. О роли политотделов МТС в становлении колхозной системы // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века. Сборник научных статей. Коломна, 2009. С. 392.

¹¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы в 5 т. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 53–56, 148–149, 162–163, 213–214, 218–219, 349.